

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)-8
К89

Художественное оформление и макет: *Наталья Ярусова*

Кузнецов, Игорь Николаевич.

К89 Императорская Россия в лицах: характеры и нравы, занимательные факты, исторические анекдоты / И. Н. Кузнецов. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с. : ил.

Погрузитесь в атмосферу прошлого.

Книга занимательных исторических фактов об императорах России, их окружении, знаменитых поэтах и писателях.

Многие участники событий будут смотреть на вас с портретов, вы познакомитесь с ними ближе.

Но не только сенсационными фактами наполнена книга, в ней анекдоты из жизни Петра Первого, Суворова и Кутузова...

Книга познавательная и веселая — вызывает улыбку остроумными диалогами, нестандартными ситуациями, необыкновенными характерами и происшествиями.

Материалы книги собраны из дореволюционных изданий, которые являются дополнительной ценностью, так как передают всю красоту русского языка.

В книге более 500 иллюстраций.

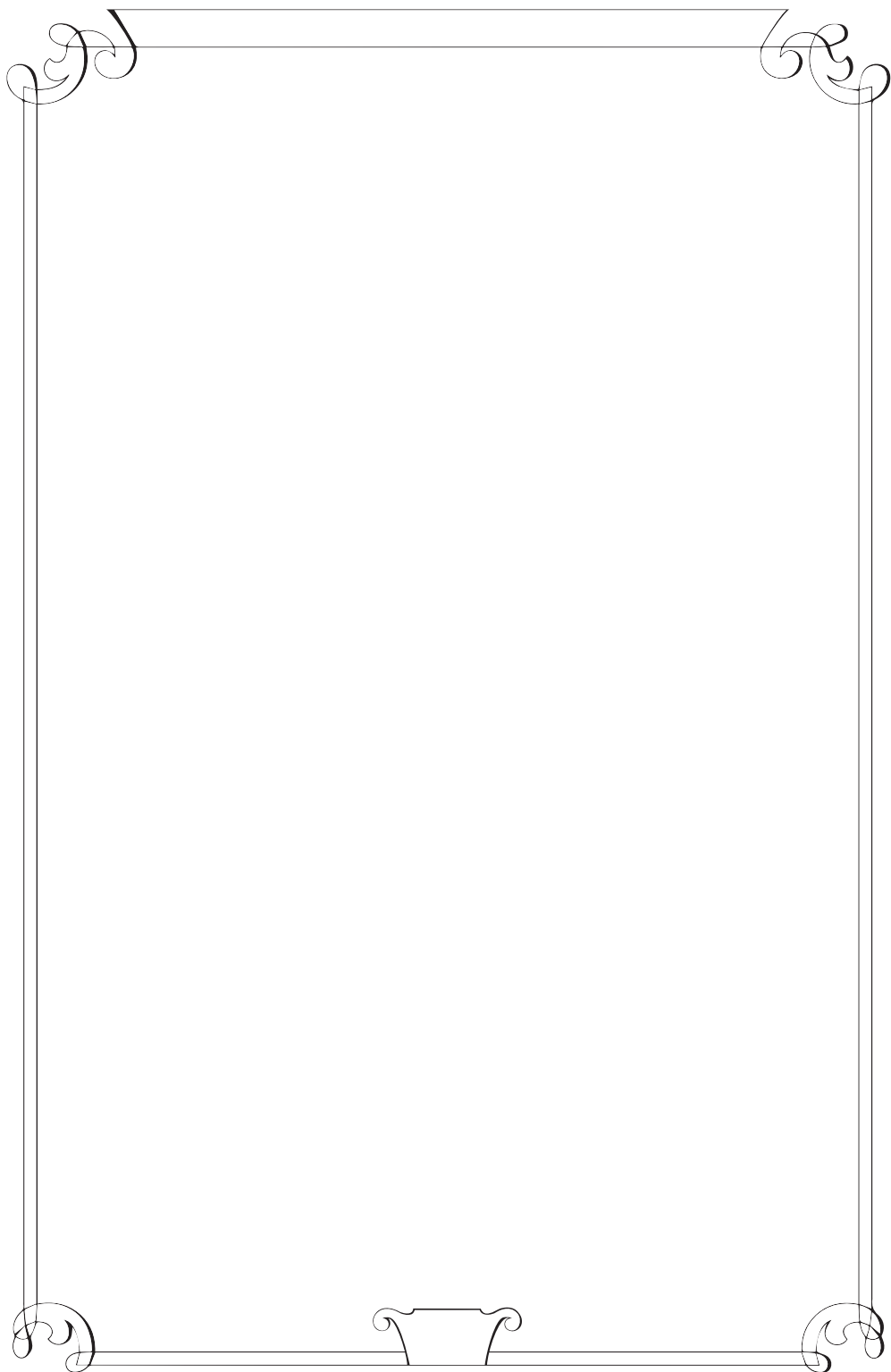
УДК 929(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-04-096880-0

© Кузнецов И.Н., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Царствование Петра Великого

О, мощный властелин судьбы!

(А. Пушкин)

Царя боярин описывает так. Виден собою и высок был Петр Алексеевич, выше всех нас, и не одним только ростом... Любо было смотреть на него, когда он был весел и, сняв шляпу, здоровался: голос был приятный и звучный; волосы по лбу рассыпались; из очей ум да огонь искрами сыпались... А на кого взглянет гневно, да еще губы сожмет, у того душа, – говорили, – в пятки уходила. Был он строг, но и трудолюбив, не щадил себя, покоя себе не давал.

(Ф. Лубяновский)

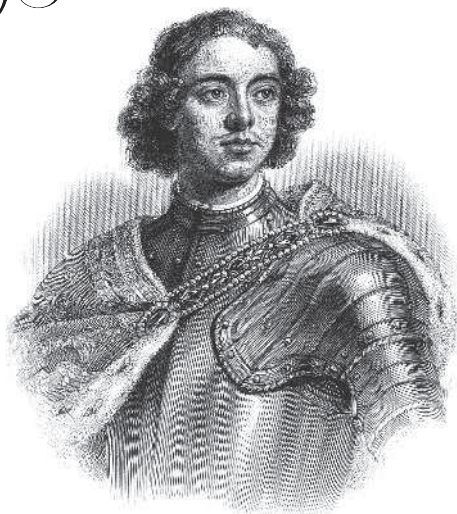

Когда у царя Петра I родился сын, обрадованный государь немедленно послал своего генерал-адъютанта в крепость к обер-коменданту с приказанием возвестить народу эту радость пушечными выстрелами. Но так как перед тем отдан был приказ не пускать в крепость никого после пробития вечерней зари, то часовой, из новобранцев, остановил генерал-адъютанта:

- Поди прочь! Не велено никого пускать.
- Меня царь послал за важным делом.
- Я этого не знаю, а знаю только одно, что не велено мне никого пускать, и я тебя застрелю, ежели не отойдешь.

Нечего было делать, генерал-адъютант вернулся и доложил Петру.

Тот сам, как был, в простом кафтане, без всяких отличий, идет в крепость и говорит солдату:

– Господин часовой, пусти меня.

– Не пущу.

– Я тебя прощу.

– Не пущу.

– Я приказываю.

– А я не слушаю.

– Да знаешь ли ты меня?

– Нет.

– Я государь твой.

– Не знаю, а я знаю то одно, что он же приказал мне никого не пускать.

– Да мне нужда есть.

– Ничего и слышать не хочу.

– Бог даровал мне сына, и я спешу обрдовать народ пушечными выстрелами.

– Наследника? Полно, правда ли?

– Правда, правда!

– А когда так, что за нужда: пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народ сею вестью.

Государь приказывает коменданту сто одним выстрелом известить столицу о рождении сына, затем спешит в собор, где, при звоне колоколов, благодарит Бога за милость, а солдата жалует сержантом и десятью рублями.

(Из собрания И. Преображенского)

Заговор стрельцов

Несколько стрельцов и два офицера их, Циклер и Соковнин, составили заговор с целью убить Петра I, когда он жил еще в Москве. Для исполнения своего замысла они стоворились зажечь два смежных дома в Москве, и как государь являлся на всякий пожар, то решено было убить его в это время. Назначили день. В определенное время все заговорщики собрались в доме Соковнина. Но два стрельца-заговорщика, почувствовав боязнь и угрызение совести, отправились в Преображенское, где обыкновенно жил Петр I, и открыли государю заговор, который намеревались исполнить в тот же день в полночь.

Петр I велел задержать доносителей и тотчас же написал записку к капитану Преображенского полка Ляпунову, в которой приказал ему тайно собрать всю свою роту, в 11 часов ночи окружить дом Соковнина и захватить всех, кого он найдет там. Вечером государь, воображая, что назначил капитану в 10 часов, сам в одиннадцатом часу в одноколке, с одним только денщиком, поехал к дому Соковнина, куда и прибыл в половине одиннадцатого. С неустрашимостью вошел он в комнату, где сидели заговорщики, и сказал им, что, проезжая мимо и увидев в окнах свет, он подумал, что у хозяина гости, и решил зайти, выпить чего-нибудь с ним. Он сидел уже довольно долго, внутренне досадуя на капитана, который не исполнил его повеления.

Наконец государь услышал, что один стрелец сказал на ухо Соковнину: «Не пора ли, брат?» Соковнин, не желая, чтобы государь узнал об их заговоре, отвечал: «Нет, еще рано». Едва произнес он эти слова, как Петр вскочил со стула и, ударив Соковнина кулаком в лицо так, что тот упал, воскликнул: «Если тебе не пора еще, мошенник, так мне пора! Возьмите, вяжите их!» В эту самую минуту, ровно в 11 часов, капи-

тан Ляпунов вошел со своею ротою. Государь, в первом гневе, ударил капитана в лицо, упрекая его, что он не пришел в назначенный час. Когда же Ляпунов представил записку его, государь сознался в своей ошибке, поцеловал капитана в лоб, назвал его честным и исправным офицером и отдал ему под стражу связанных заговорщиков.

(Из собрания И. Преображенского)

Царевна Софья Алексеевна

Когда Петр I, возвратившись в 1698 г. из-за границы, наказывал стрельцов, то приказал развешать их по всем зубцам Кремлевской стены для всенародного зрения. А в Девичьем монастыре, где содержалась под караулом его сестра, повешено было за решеткой в окошках ее кельи несколько стрельцов с челобитными на ее имя.

* * *

Однажды денщик Петра I, бывший генерал-аншеф Михаил Афанасьевич Матюшкин, стоя за саними, заметив, что государь, против обыкновения, едет к Девичьему монастырю, где содержалась под стражею сестра его, царевна Софья, ужаснулся, опасаясь последствий. Петр сорвал печать от дверей кельи и, войдя с дубиною в руках, сказал, что он, отправляясь в дальний поход, пожелал с нею проститься.

Софья, сидя за гребнем, не переменяла ни вида, ни положения, но сказала, что это излишне и что единому праведному суду Божию решить общее их дело. Петр, выходя, со слезами сказал Матюшкину:

– Жаль! Сколько умна, столько и зла, а могла бы мне быть правою рукою.

(Из собрания
П. Карabanова)

* * *

Близ Троицкой дороги, не доезжая села Рахманово, вы видите село Софрино; оно принадлежит графине Ягужинской, а прежде это была собственность царевны Софьи Алексеевны, точно такая же, как и село Софьино, при берегах Москвы-реки, на зимней Рязанской дороге. Тут росли богатые плодородные сады, разведенные самой Софьей. Дом Ягужинских был дворцом ее, впоследствии он перестроен.

В Софине недавно помнили дворец царевны. Он был с чистыми сенями, располагавшимися посередине двух больших связей, из коих каждая разделялась на две светлицы. И в том, и в другом селе рощи были сажены по распоряжению самой Софьи, а некоторые деревья и собственною ее рукой.

В селе графини Ягужинской светлеет еще летний пруд царевны, богатый рыбой. Он обсажен деревьями, на которых весьма долго оставались вырезанные литеры, означавшие, каждая, имя Софьи и друзей ее. В литерах этих угадывались имена князя Василия Голицына, Семена Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Соковнина и других.

Народ толкует, что Софрино прежде называлось Софьиным же; но что, при пожаловании его в поместье, имя Софьино было изменено по каким-то причинам.

(М. Макаров)

При возвращении из Англии в Голландию корабль Петра I выдержал ужасную четырехдневную бурю. Самые опытные моряки объявили царю, что положение очень опасное.

– Чего вы боитесь, господа? – ответил Петр весело. – Слыханное ли дело, чтобы царь русский утонул в море немецком?!

* * *

Только что аккредитованному при русском дворе бранденбургскому посланнику Петр назначил аудиенцию в четыре часа утра. Посланник явился во дворец в пять, но императора уже не застал, тот уехал в Адмиралтейство. Посланник принужден был отправиться туда же, так как имел весьма спешные поручения.

Царь, когда ему доложили о прибытии бранденбуржца, был наверху мачты строящегося корабля.

– Если не успел найти меня в назначенный час в аудиенц-зале, пусть позаботится взойти сюда, – сказал Петр.

Посланнику, чтобы вручить императору верительные грамоты, ничего не оставалось, как взобраться по веревочной лестнице на гот-мачту и провести длительную беседу о важных политических вопросах, сидя между небом и морем на бревне.

(«Анекдоты из жизни Петра Великого»)

Петр I и Август II, король Польский

Известно, что Петр Великий и Август II, король Польский, имели необычайную силу. Однажды случилось быть им вместе в городе Торне на зрелище битвы буйволов. Тут захотелось поблистать Августу пред царем богатyrством своим, и для этого, схватив за рога расщипавшего буйвола, который упряился идти, – одним махом сабли отсек ему голову.

– Постой, брат Август, – сказал ему Петр, – я не хочу являть силы своей над животным, прикажи подать сверток сукна.

Принесли сукно. Царь взял одною рукою сверток, кинул его вверх, а другою рукою, выдернув вдруг кортик, ударил на лету по нему так сильно, что раскроил его на две части. Август, сколько потом ни старался, был не в состоянии сделать то же.

Август II

* * *

При свидании с королем Августом в городке Бирже царь Петр Алексеевич остался у него ужинать. Во время стола Август заметил, что поданная ему серебряная тарелка была не чиста. Согнув ее рукою в трубку, бросил в сторону. Петр, думая, что король шеголяет пред ним силою, также согнул тарелку и положил перед собою. Оба сильные, государи начали вертеть по две тарелки и перепортили бы весь сервиз, ибо сплющили потом между ладонями две большие чаши, если бы эту шутку не кончил Петр следующей речью: «Брат Август, мы гнем серебро изрядно, только надобно потрудиться, как бы согнуть нам шведское железо» (т. е. победить шведов).

(Из собрания И. Преображенского)

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал:

– Ну! этот плох... Однако записать его во флот. До мичманов, авось, дослужится.

Старик любил рассказывать тот анекдот и всегда прибавлял:

– Таков был пророк, что в мичманы-то попал я только при отставке!

(А. Пушкин)

Князь Головин-Бас

Петр Великий весьма любил и жаловал Ивана Михайловича Головина и послал его в Венецию учиться кораблестроению и итальянскому языку. Головин жил в Италии четыре года. По возвращении оттуда Петр Великий, желая знать, чему выучился Головин, взял его с собою в Адмиралтейство, повел его на корабельное строение и в мастерские и задавал ему вопросы. Оказалось, что Головин ничего не знает. Наконец государь спросил:

– Выучился ли хотя по-итальянски? – Головин признался, что и этого сделал очень мало.

– Так что же ты делал?

– Всемиловнейший государь! Я курил табак, пил вино, веселился, учился играть на басу и редко выходил со двора.

Как ни вспылчив был государь, но такая откровенность очень ему понравилась. Он дал ленивцу прозвище Князя-Баса и велел нарисовать его на картине сидящим за столом с трубкой в зубах, окруженного музыкальными инструментами, а под столом

валяются металлические приборы. Государь любил Головина за прямоту, верность и таланты и в шутку всегда называл его «ученым человечком», знатоком корабельного искусства.

(«Исторические анекдоты...»)

* * *

Привезли Петру Алексеичу стальные русские изделия; показывал их после обеда гостям и хвалил отделку: не хуже-де английской. Другие вторили ему, а Головин-Бас, тот, что в Париже дивился, как там и ребятишки на улицах болтали по-французски, посмотрел на изделия, покачал головою и сказал: хуже! Петр Алексеич хотел переуверить его; тот на своем стоял. Вышел из терпения Петр Алексеич, схватил его за затылок и, приговаривая три раза «не хуже», дал ему в спину инструментом три добрых щелчка, а Бас три же раза твердил свое «хуже». С тем и разошлись.

(Ф. Лубяновский)

Царь-работник

Как только время свободное ему от черной работы, так он по кабакам ходил да у мастеров выведывал об их мастерстве: все научиться хотел всему. Приходит раз в кабак и встретил там обורванного пьянчужку; взял водки, а его не потчует. «Ты видно, ничего не умеешь? – спрашивает. – Что больно обтрепан?» – «Нет, – говорит, – умею вот такое мастерство». – «А как вот эту вещь делать?» – «Так вот», – говорит. «Врешь!» – «Нет, ты врешь!» Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что он врёт. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал; и напоил мастерового в лоск.

(Д. Садовников)

А как вот ни хитер был, а лаптя-то все-таки не мог сплести: заплести-то заплел, а свершить-то и не мог. Носка не сумел заворотить. И теперь еще лапоть-то этот где-то там в Питере во дворце или музее висит.

(ЖС, 1908. Вып. II)

Петр I, с ближайшими соратниками своими, приехав на вечеринку к шурина Александру Федоровичу Лопухину, приказал ворота запереть на крюк, чтоб посторонних никого не было. Дружеское общество принялось рассекать кнутами деревянные крепкие лубки.

Прежние бояре всегда были окружены живущими в домах их небогатыми дворянами, под именем «знакомцев».

К несчастью, такой «знакомец», Акинфиев, не ведая ничего, вошел во двор. Петр, увидев его в окошко, закричал: «Чужой – в мощи его!» Сие значило, что каждый присутствующий должен был опрометью броситься на него, как собака, и в доказательство принести или клочок его волос, или вырванный кусок его мяса.

Случившийся тут ключник, предвидя, что Акинфиев должен издохнуть, подхватил его и спрятал в ящик под бочками и кадками. Едва успел он это сделать, как ворвалась толпа сверху, отыскивая сего несчастного... В царском совете положено было вместо лубков рассекать кнутами его тело.

(Из собрания П. Карabanова)

Петр I в Архангельске

На этой колокольне (на Вавчужской горе. – *Ред.*), по народному преданию, великий монарх звонил в колокола, тешил свою государеву милость. И с этой-то колокольни раз, указывая Баженину на дальние виды, на все огромное пространство, расстилающееся по соседству и теряющееся в бесконечной дали, Великий Петр говорил:

– Вот все, что, Осип Баженин, видишь ты здесь: все эти деревни, все эти села, все земли и воды – все это твое, все это я жалею тебе моею царскою милостью!

– Много мне этого, – отвечал старик Баженин. – Много мне твоего, государь, подарку. Я этого не стою. Я уже и тем всем, что ты жаловал мне, много доволен.

И поклонился царю в ноги.

– Не много, – отвечал ему Петр, – не много за твою верную службу, за великий твой ум, за твою честную душу.

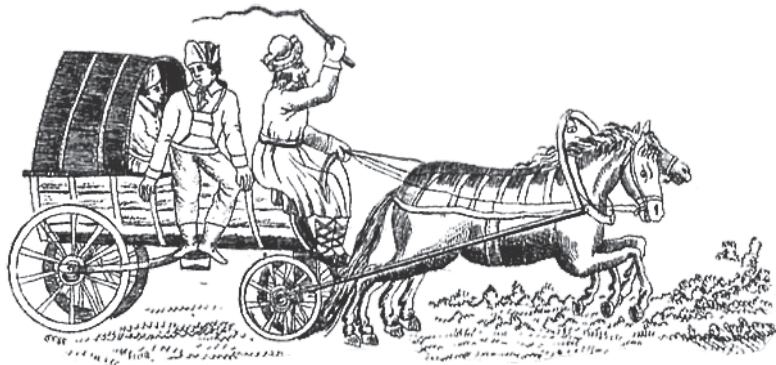
Но опять поклонился Баженин царю в ноги и опять благодарил его за милость, примолвив:

– Подаришь мне все это – всех соседних мужичков обидишь. Я сам мужик, и не след мне быть господином себе подобных, таких же, как я, мужичков.

А я твоими щедрыми милостями, великий государь, и так до скончания века моего взыскан и доволен.

* * *

Баженин ждал царя с великим нетерпением, которое в конце возросло до такой степени, что старик перестал ждать в Вавчуге, – выехал к царю навстречу. Ехал скоро – насколько сильно было в нем желание поскорее лицезреть Петра и насколько быстро могли везти ямщики, хорошо знавшие, что Баженин – друг царя.

На одной из станций – именно в Ваймуте – Баженину показалось, что ямщик не скоро впрягает лошадей и таким образом как бы намеренно задерживает момент свидания его с Петром. Баженин вспыхнул и ударил ямщика в ухо, но так неловко, что попал в висок, и так сильно, что ямщик тут же на месте упал и умер.

Между тем приехал Петр. С Бажениным отправился он в Холмогоры и Вавчугу. В Вавчуге пировал. Съездил в Архангельск и поехал назад в Петербург; Баженин его провожает. В той же Ваймуте, где Баженин убил ямщика, собрались мужики царю пожаловаться, что зазнался-де Осип Баженин и никакого суда на него не найдешь. Прямо сказать мужички не смели, а придумали сделать это дело так, что когда вышел царь из избы к повозке – мужики стали перешептываться промеж себя, потом громче и громче переговариваться:

– Баженин мужика убил. Мужика убил Баженин!

Услыхал Петр – улыбнулся. Остановился на одном месте, да и опросил весь народ громким голосом:

– Ну так что ж из того, что Баженин мужика убил?

У мужиков и ноги к земле и язык к гортани прилипли, стоят и слушают:

– Это ничего, что Баженин мужика убил. Больно бы худо было, кабы мужик убил Баженина.

У мужиков и ушки на макушке. Царь продолжал:

– Вас, мужиков, у меня много. Вот там под Москвой; за Москвой еще больше; да на Казань народ потянулся, к Петербургу подошел: много у меня мужиков. Вот вас одних сколько собралось из одной деревни. Много у меня вас, мужиков, а Баженин – один.

С тем царь и уехал.

* * *

Рассказывают, что государь целые дни проводил на городской бирже, ходил по городу в платье голландского корабельщика, часто гулял по реке Двине, входил во все подробности жизни приходивших к городу торговцев, расспрашивал их о будущих видах, о планах, все замечал и на все обращал внимание даже в малейших подробностях.

Раз <...> он осматривал все русские купеческие суда; наконец, по лодкам и баркам взошел на холмогорский карбас, на котором тамошний крестьянин привез для продажи горшки. Долго осматривал он товар и толковал с крестьянином; нечаянно подломилась доска –

Петр упал с кладки и разбил много горшков. Хозяин их всплеснул руками, почесался и вымолвил:

– Вот-те и выручка!

Царь усмехнулся.

– А много ли было выручки?

– Да теперь немного, а было бы алтын на сорок.

Царь пожаловал ему червонец, примолвив:

– Торгуй и разживайся, а меня лихом не поминай!

(С. Максимов)

В то время, когда уже основан был Петербург и к тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, Петр I, встретив раз одного голландского матроса, спросил его:

– Не правда ли, сюда лучше приходить вам, чем в Архангельск?

– Нет, ваше величество! – отвечал матрос.

– Как так?

– Да в Архангельске про нас всегда были готовы олады.

– Если так, – отвечал Петр, – приходи завтра во дворец: попотчую!

И он исполнил слово, угостивши и одаривши голландских матросов.

(С. Максимов)

